3-й год издания

№ 37

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕКАБРЬ 1925

Ленинград, Просп. 25-го Октября, 88. Тел. ред. 5-49-72, тел. конт. 5-35-83

Цена 15 коп.

РЕКЛАМА ДВИГАТЕЛЬ ТОРГОВЛИ

Рис. Б. Антоновского

НОВЫЙ-ЛИ?

Ох, этот бред про Новый Год!
Глупейшая из глупых шуток!
Как будто все наоборот
Пойдет, по истеченьи суток!

Как будто, наблудивши всласть,
Переродятся бюрократы;
Вор разом перестанет красть;
Растратчик остановит траты;

Возжаждет света обскурант;
И—противу своей натуры—
Правленью треста спекулянт
Вернет запас мануфактуры!

Все это чушь! Все это зря!
Соблазн вина и зов азарта—
Все те-ж 2-го января,
Как и 15-го марта.

И что ты там ни говори,
А Фамусов с понятным жаром
Вопил:—Все врут календари!—
Небезрезонно и недаром.

Вопрос я ставлю не мудря:
Ах, с социальной точки зренья
У нас сегодня без сомненья
32-ое декабря!

А. д'Актиль

НОЧЬ ПОД НОВЫЙ ГОД

По какому стилю,—это совершенно безразлично. Пусть—по новому. Важно лишь то, что в неуютной комнате, где клопы в старом безногом диване так мелки, тощи и желты,—важно, повторяем, то, что в этой комнате было холодно, мрачно и жутко. Нужда смотрела изо всех щелей старого пола из потрескавшихся стен. На потолке трещин не было, потому что этаж был самый верхний, граничащий с чердаком, а постановление домового комитета об использовании чердака, как жилой площади, не было еще проведено в жизнь. Стало быть, чердак не был еще заселен, жизни, как таковой, там не было, и штукатурка на потолке верхнего этажа (того самого, где находится указанная выше комната) была цела...

Но все эти подробности—только для будущего историка, чтобы не ругал старик нас, современников, за недостаточные данные об этой ночи под рождество...

В мрачной комнате, где кругом холодно и голодно, всегда рождаются этакие миражи, эмпиреи, всякие ковры самолеты и шапки-невидимки.

— Господи,—вздохнул грудной женский голос, во Франции сейчас... В Париже...Жизни сколько! Музыка! Опера!

— И в Америке, в Нью-Иорке, например, тоже невредно, — добавил мягкий приятный баритон.

— Воображаю, какие там концерты—продолжал женский голос. И вдруг истерически:

— Так больше продолжаться не может! Я не могу больше!

В темноте хрустнули чьи-то пальцы...

— Холодно, темно, сыро,—продолжала всхлипывать женщина.

А там—музыка, концерты. Какие концерты!

Она заплакала обильными женскими слезами...

Он ощупью нашел в темноте шапку, поднял воротник и вышел.

... На перекрестке модных улиц, где пыхтят автомобили и визжат трамваи, где столько магазинов и так много деловой и праздношатающейся публики, он стоял у стены, за колонной, чтобы его не увидел с ближайшего поста милиционер...

Сейчас он протянет руку... Он начнет вон с того, толстого гражданина в шубе, который остановился с дамой у зеркальной витрины... Как мучительно, как несказанно тяжело просить милостыни, протягивать руку... Он чувствует как часто бьется его сердце, как стучит у него в висках, как дрожат его ноги...

Толстый с дамой приближаются... Вот они уже рядом...

Оглянувшись на милиционера, он протягивает руку...

— Граждане,—прошелестел его мягкий баритон,—помогите, чем можете, вдовцу, обремененному многочисленной семьей, установить радио-приемник...

...Шел снег...

М. Людвигов.

ШАРАДНЫЙ ТРЮК

— Мое первое—суп с червяками, мое второе—котлета со стеклом, а все вместе—вчерашний обед мой!

— Это что, шарада?

— Не-е! Просто я рассказываю, чем меня в одной рабстоловой накормили.

ЛЮДИ-БРЕВНА

Компания частных предпринимателей организовывает в Ленинграде производство изящных дамских чулок различных цветов из осинового дерева. (Из газет)

Рис. Л. Бродаты.

— У нас сегодня встреча Нового Года, Марфуша. Приготовьте мои лучшие чулки красного дерева!

СОН СТРЕЛОЧНИКА

Обыкновенно никаких снов не видит стрелочник Гудков Павел

Как вернется с пути, да поставит свой фонарь на пол, возле койки, да завалится на койку—тотчас и заснет, даже почесаться не поспеет,— и спит крепким свинцовым сном безо всяких сновидений, словно какая нибудь охрана труда. Будто в черную яму провалился.

А нынче, под новый год, полезла в голову Гудкова всякая дрянь. Приснилось ему, будто стоит он в кабинете начальника отделения движения. (ДН'а, короче сказать.) И будто этот самый ДН грозно говорит:

— А ну, говорит, Гудков Павел, вынь да положь казенные часики, которые тебе выданы.

Заморгал будто-бы Гудков и объясняет:

— Какие-такие, товарищ ДН, часы мне выданы? Нету у меня казенных часей, а которые при мне—мои собственные, сам и покупал.

— Ах, стрелочник, стрелочник!—укоризненно говорит на это ДН:— Опять, говорит, ты, стрелочник, виноват! Разряд у тебя маленький и память у тебя маленькая А у меня,—говорит,—конечно, и разряд побольше, и память покрепче. И кроме всего, в инвентарную книгу 1902-го года я заглянул, в каковой значится: „выдано стрелочнику Гудкову Павлу в 1902-м годе часы медные, карманные, ценою 7 руб. 21 коп" Где эти часы? Вынь да положь об это место.

Екнуло стрелочниково сердце и заколотилось, словно вагонные буфера.

— „Вот-те,"—думает,—„гайка! Что же это? Выходит, должен я царские долги платить? Эвона, за 902-й год!.."

— Действительно, товарищ ДН—говорит Гудков—припоминаю факт: при царском режиме были мне даны часы и сносились. За этот срок, говорит, я уж и свои-то собственные—третьи по счету донашиваю. Без часей нашему брату немыслимо, сами знаете...

— Молодец,—говорит начальник,—что для пользы дела сам часы покупал. Но, говорит, до твоих часей мне дела нету, а казенные обязан кемедленно представить на учет инвентаря. Почему, говорит, не сдал ты их своевременно?

— Да господи-ж!—изумился на это стрелочник Гудков:—Да ведь, товарищ ДН, сами знаете, что было: война, революция... Где же тут впопыхах о мелочи помнить? А часы, кстати, развалились: крышки налево, пружины направо...

— Ах, стрелочник, стрелочник! Всегда ты, ей-богу, виноват! Ты бы собрал их в узелочек, да запечатал бы, да ярлык бы наклеил: вернуть-мол, по окончании революции. Небось, распорядок знаешь: ежели, скажем, сапоги казенные сносил, для отчета хотя-бы ушки вернуть полагается. А ежели часы,—пружинку верни, или крышку, или винтик какой нибудь из середки. А теперь как же мне быть? Придется эти 7 р. 21 копейку из твоего жалования удержать.

В пот ударило Гудкова. Заерзал на койке.

— Эх,—мечтает в этом ужасном сне—проснуться бы поскореича, покуда не удержали!

А начальник, будто, подмигнул лукаво:

— Нет, обожди просыпаться. Это, братец, не все. Идем дальше, а именно в инвентарную книгу за 1896-й год. Вот гляди: „Для очистки путей от снега одну деревянную лопату получил Гудков Павел." Твоя рука?

— Моя рука!—охнул стрелочник Гудков.

— А где же таковая лопата?

Силится Гудков вспомнить—где, в самом деле, лопата 1896-го года? Много снега валилось за это время, много воды утекло! В те поры ему, поди, годов двадцать было. И еще тогда девицу одну охаживал,— Марфушу. Как же, помнит! А насчет лопаты, хоть убей, ничего в голове не осталось.

— Запамятовал...—бормочет Гудков.

— Идем дальше...

И берет тут начальник новую книгу, а книг этих—целая груда, до потолка столбом. Ужас!

— Вот, смотри, Гудков. В 1840-м годе... „Запасную горелку для фонаря получил Гудков." Где горелка?

— Виноват, товарищ ДН...

— На то и стрелочник, чтобы виноватым быть...—прерывает укоризненно начальник.

— ...Виноват, тов. ДН, дело такое выходит: не мог я никак в 840-м годе горелку получить, потому что был тогда не по своей вине не родившись еще... Какая ж горелка, ежели я, например, в матерной утробе?

— Это оправдание ни к чему, раз есть твоя расписка,—замечает начальник и в графу пальцем тычет.

Окончательно замлел стрелочник Гудков.

— „Караул"!—думает:—„Действительно, моя рука—расписался, не родившись. Ах, какая вредная несознательность! Может, на мне и еще какое нибудь имущество числится. Скореича проснуться надо!"

— Идем дальше—говорит начальник, сымая новую книгу—за 1715-ый г. Но Гудков натужился, будто стрелку перевел,—и враз проснулся. Лежит на койке, отдувается.

— Ффу! И привидится ж такое! Хочь прямо в журнал „Смехач" опиши... Ну, и сон!

А сон оказался в руку. Впрочем, пострадал не Гудков Павел, а другой стрелочник. На станции Бирюлево Ряз.-Ур. ж. дороги, о чем нам пишет рабкор.

„Старший стрелочник т Андреев в 1902-м году получил карманные часы В августе же 1925 года ДН1 Р-Ур. ж. д. отношением № 239 от 9/IX сообщает, что у стрелочника Андреева высчитано из жалования 7 р. 21 коп.—стоимость этих часов.

И хотя за этот срок (с 1902 года) Андреев сносил уже трое своих собственных часов, тем не менее, по разъяснению ДНП, „он все-таки должен бы сдать выданные ему часы, хотя бы крышки или еще что либо от часов..."

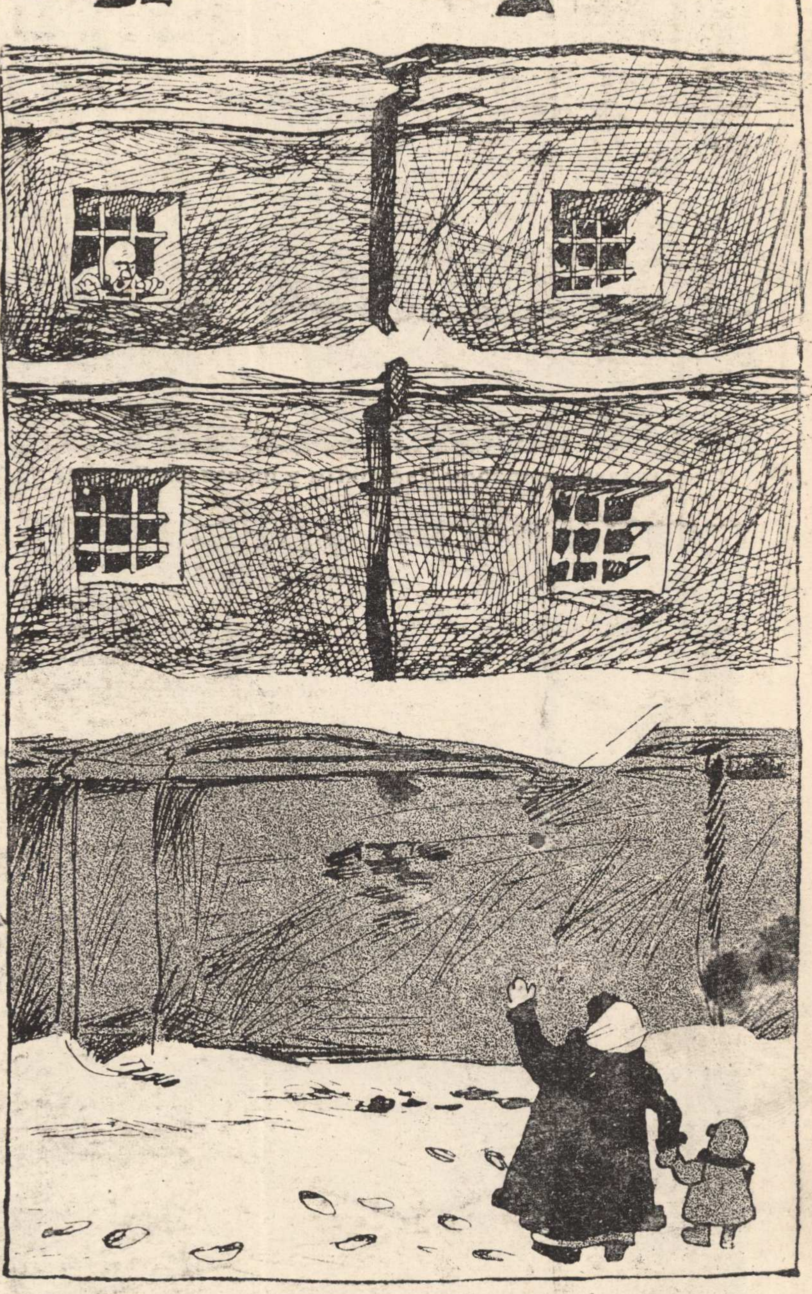
Ффу! И бывает же такое—не во сне, а наяву!

Иван Прутков

НЕЧИСТАЯ СОВЕСТЬ

Рис. Б. А.

— **Иван Сидорыч! С новым годом тебя!**

— **Батюшки! Неужели заочно еще год припаяли?!!**

С МОЛОТКА

— Взятка? Вы с ума сошли! Кто же теперь, после сотни судебных процессов и тысячи приговоров даст обыкновенную взятку? Только—идиот!—сказал он...

— Вы хотите сказать, что взятка умерла?—спросил собеседник.

Он улыбнулся кроткой наивной улыбкой и сказал:

— Я даю взятку так: встречая нужного мне человека, я прежде всего бросаю взгляд на его письменный стол. На этом столе обязательно имеется один из трех следующих предметов: пепельница, нож для разрезания книг, или бювар... Дальше я обращаюсь к хозяину этих вещей и говорю:—боже, какая прелесть, пошлите это завтра на аукцион, вам за это много дадут... Хозяин, улыбаясь, отвечает:

— Ерунда, это копеечная вещь! Я купил ее в обыкновенном писчебумажном магазине!

— Я вам ручаюсь, что это—вещь, на-редкость дорогая, говорю я... И на этом мы расстаёмся...

В первый, за этим днём, аукцион я прихожу с женой... Она стоит справа, я—слева... Человек скороговоркой сыплет: пепельница—стеклянная—в металле—рубль, кто больше, стеклянная...

— Два, говорю я... — Пять, показывает жена...—Десять, ору я... Двадцать два,—жестикулирует жена...

— А дальше?—спросил собеседник...

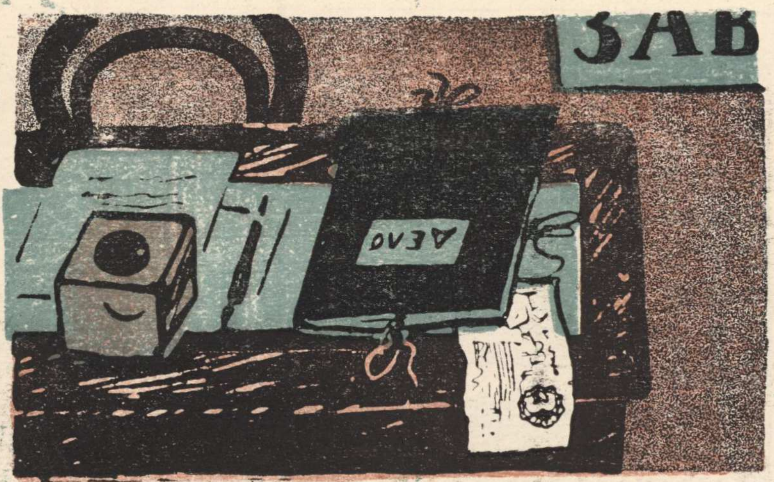
В зависимости от величины дела, пепельница идет с молотка за любую сумму... Процент, который удерживается в пользу беспризорных детей, невелик, а сама идея этого процента—более, чем симпатична.

М. К—ва

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ

(кстати о новогодних визитах.)

Рис. Н. Радлова

Оставленная прорабом Ивановым у инженера Дутотреста.

Оставленная шкетом Сенькой Корытом у подъезда одной из квартир.

Оставленная личной секретаршей у зава, во время подготовки к докладу.

Оставленная кондукторшей Петровой у нарсудьи, на предмет приобщения к делу об алиментах.

В РАБКООПЕ

— А вот пожалуйте, старый коньяк...

— Ишь ты, рабочему человеку так всякую старую заваль спихнуть хотят: ты нам нового подавай!

ЖИТЕЙСКИЕ СОБЛАЗНЫ

Вернулся Антон Сибаркин в субботу с завода домой. Жена белье отстирывала, пахло сыростью, подванивал примус, орал перв нец с раздутым животом, и пахло пеленками, подсолнечным маслом и луком.

Антон Сибаркин привык ко всему этому и—„ноль внимания".

Но пришел тесть, старый слесарь, потянул носом и сказал:

— А ведь здесь того... не того!.. А не пройтись ли нам, Антоша подышать свежим воздухом... Погода сегодня замечательная!..

Умылся Сибаркин переоделся и вышел с тестем. Недолго шли. Подмигнул тесть, сказал:

— Не люблю я без цели по улицам шляться: пусть другие буржуятся, а нам не пристало, поди... Зайдем-ка в пивную: тут пивная замечательная!.. Раздавим парочку.

Вздохнул Сибаркин, ответил:

— Что ж, от пары не станется!..

Зашли. Приятно, когда стены расписаны зелеными рощами да голубыми озерами, и очень вежливы услужающие:

— Парочку-с?... Пожалуйста!..

Выпили. Сказал тесть:

— А у меня лишняя трешка завелась, потому сдельщина—шикарная штука, раз я рабочий старинного закала... Ставлю полдюжины!..

А тут гармонисты вышли, „баяны", кирпичики сыграли замечательно за сердце хватает музыка!..

Сидят Сибаркин с тестем, улыбаются: шумно, людно, а они за своим столиком в почете и уюте... Замечательно!..

А уж на эстраде другое: маленькая такая, в коротенькой юбочке и пляшет во всю, ногами вскидывает, руками разводит... И красоты девушка значительной: может, конечно, и подрисована, но ручки-ножки—кра-асота!.. Вертун ее забери!..

— Кинь-ка парочку!..

Фу!.. Как это время не заметно летит. Вот так чудеса: Чукашев приятель, руку жмет, встрече радуется, а тесть уже дремлет. Говорит Сибаркин другу:

— Программа здесь замечательная... Уйти не-в-моготу... Сейчас хор Травкина выйдет, вот-то!.. Товарищ, дай-ка еще парочку!..

Что за оказия?.. Разъяренная жена к столику подбегает и сейчас же пушить:

— Вишь, расселся, пьянчуга!.. Сейчас же домой!..

Оправдывается Сибаркин:

— Ты отца ругай, он меня сюда заманил!..

А Чукашев галантно так:

— Да что вы, Марья Федоровна, с заснувшим человеком в дебаты будете вступать?.. Бесполезная это агитация, раз на него лозунги не действуют... Ведь он вам реплики подать не сможет!..

И Сибаркин осмелел:

— Да ты присядь лучше, Манечка, здесь программа замечательная!..

А уж на эстраде веселый куплетист буржуйские затеи разоблачает, нэпачей высмеивает... А главное, скороговоркой шпарит, частит, а все понятно... До чего замечательно!..

Выпила бокал пивца Марья Федоровна с устатку, на эстраду уставилась, а там уже скрипачка инструмент свой настраивает, в подбородок скрипку вдавила и глаза закатила роскошно.

И Чукашев пива подливает и кричит неизменное: парочку"!

Возвращались домой парочками: отец с зятем впереди друг другу в любви объяснялись, пошатывались, а Марья Федоровна с Чукашевым под-ручку. И до чего Чукашев замечателен, голову склонил и шепчет:

— Семейное счастье, товарищ гражданочка, есть мелко-буржуазный уклон и обростание!..

А Марья Федоровна уже жеманится, как та танцовщица на эстраде, голову кокетливо склонила:

— Не подхамливайте, т. Чукашев... Не отрицаюсь, я мужняя жена но раз муж пьяница...

И сейчас же голову закинула и томно так:

— И до чего звезды сегодня разблистались... С чего бы это?..

Обнимает Чукашев Марью Федоровну и шепчет:

— Программа сегодня замечательная!..

* * *

Утро выдалось невеселое, мутное. У четы Сибаркиных болели головы, а в кошельке было пусто.

Не глядя на жену, сказал Сибаркин:

— Как это у нас вчера... того... Машенька... не того как будто вышло... И с чего бы это, а?..

Марья Федоровна недоуменно ответила:

— И сама не понимаю, с чего... Должно, из-за программы этой ихней. Очень уж она замечательная!..

К. Милль Полярный.

Рис. В Лебедева

В „ВЕНЕ“

— Я, братишка, жду,—кажись, меня скоро заграницу повезут.
— Зачем?
— А потому в СССР губерний мне не хватает: уже в 41 губернии жить воспрещено!

АППАРАТ КИНО-ДАВКА

> У театра „Пикадилли“ толпа набросилась на ответственного дежурного милиции и сбила его с ног. Только отряду конной милиции удалось оттеснить толпу“.
>
> „В театре „Великан“ во время давки свалилась с лестницы женщина, ударилась головой о ступеньки и вышибла себе несколько зубов“.
>
> Из газетной информации.

Когда привезли новую картину, на предварительном просмотре решили:

— Идеологически безвредная, но вообще—чепуха.

— Чепуха? — обрадовались репортеры — А какая?

— Американская. Одна из глупеньких.

Репортеры подпрыгнули от удовольствия и сейчас же осведомили публику:

„Получен небывалый по технике и содержанию американский фильм“.

Управделами кино-конторы спросил зава по прокатной части:

— Как дела с картинами ак-режиссеров?—

— Туго,—сказал зав.

— Гм!..—произнес управделами.

На следующий день в трамваях и на заборах появились афиши:

„Монопольное право постановки! Единственный в сезоне фильм с мировыми достижениями! В главных ролях — известные в межпланетных пространствах артисты“.

Репортеры увидели афишу и побежали интервьюировать зава, нача, упра и швейцара кино-конторы.

В вечерних газетах было напечатано:

„Исключительно! Слов нет! Кто не увидит—умрет в 24 часа!“

Неумершие проснулись на следующий день и читали в газетах:

„...Восторг! Исключительные без исключения кадры! Великолепный монтаж! Экспозиция света! Поразительнейшие диафрагмы и наплывы! У главного героя вместо тела—резина, вместо костей—пружины! Кто не умер еще—плачьте!“

Неумершие поплакали и пошли после обеда встать в очередь.

К полуночи они возвращались с узелками под-мышкой. В узелках были их выбитые зубы, оторванные куски от пальто, каблуки от сапог и скомканные анонсы на следующую картину.

А потом появилась рецензия:

„Когда двадцать милиционеров были уложены на месте, толпа прорвала проволочные заграждения и, разбив запертые двери, ворвалась в зрительный зал. Экран был съеден в одну минуту. Ленты разорвали по кусочкам. Глотая аппарат, подавилось 180 человек. Огромная масса демонстрантов двинулась к прокатной конторе, с требованием выдать главного героя“...

Известный ак-режиссер, каким-то чудом не поставивший еще ни одного фильма, с грустью говорил автору, еще не успевшему написать ни одного скверного сценария.

— Вы уж постарайтесь. Хоть бы несколько зубов и какого нибудь помятого милиционера. Ведь за пять лет это же немного!

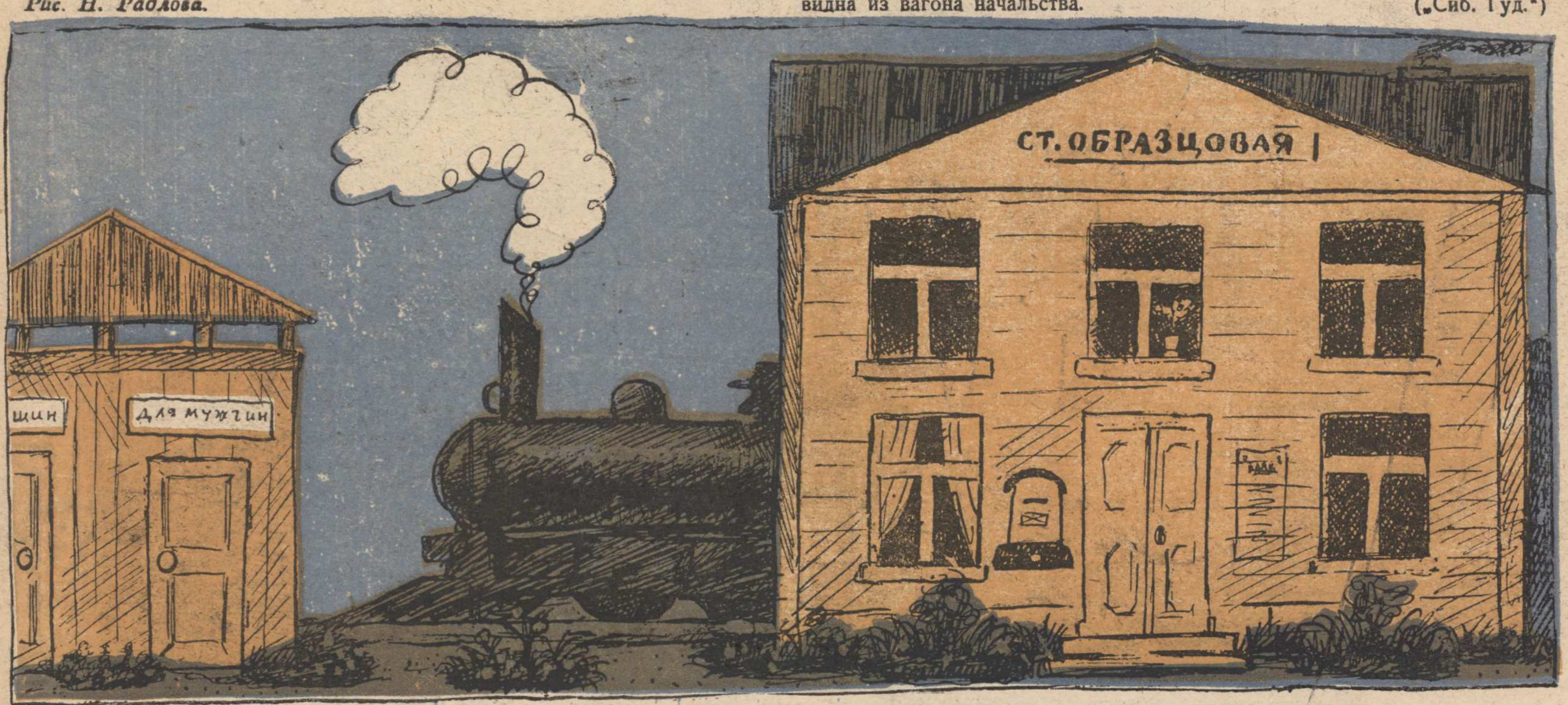
Анна Смирнова.

ЛИЦОМ К НАЧАЛЬСТВУ

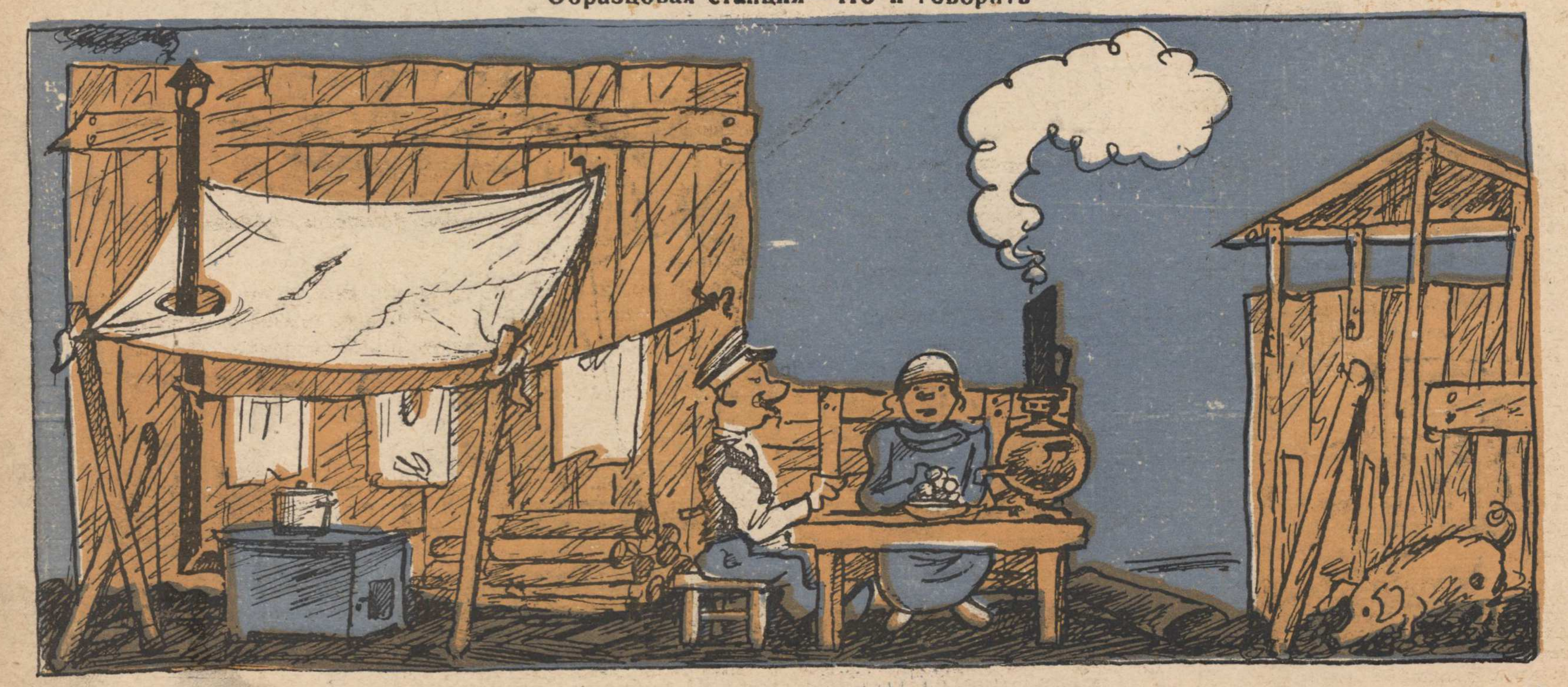
Два поистине достойных „Смехача“ примера: на ст. Ишим П.Ч. (н-к уч-ка службы пути) решил навести „парадную“ чистоту (в ожидании комиссии) и велел выкрасить трубы, при ремонте домов, лишь со стороны, обращенной к путям.

На ст. Шумиха поворотный паровозный круг, для той-же цели, подмели и посыпали песочком лишь с той его стороны, которая была видна из вагона начальства. („Сиб. Гуд.“)

Рис. Н. Радлова.

Образцовая станция—что и говорить

И достигается весьма несложными средствами.

ПОХОРОНЫ НЕДАЛЕКОГО БУДУЩЕГО

Рис. Л. Бродаты. *Друзьям кремации посвящается.*

По 1-ому разряду **по 2-ому разряду** **по 3-ему разряду.**

РЯЖЕНЫЕ

— Я от рожденья не был ретроградом, но с Октября тоска меня грызет... Что ни толкуй, над нашим Ленинградом теперь висит невыносимый гнет.

Вглядитесь сами беспристрастным взглядом: где прежнего веселия полет? Где прежних святок шумные забавы? Где ряженых веселые оравы?!."

Так Пров Кузьмич на „номере седьмом", в прицепке сидя, толковал соседу.

Сосед, прищуря левый глаз с бельмом, поддерживал случайную беседу:

— Да-с... Старина... И к нам, бывало, в дом гурьбой наедут...

В аккурат к обеду... Кто клоуном, кто туркою одет... А снимут маски, сядут за обед...

— Вот, вот... Да, да.. Но в нынешнем году я ряженых увижу непременно. Их привезет Карл Савич Какаду. Он адвокат и друг мой неизменный. Все дело втайне; я же, на беду, узнал секрет... Вот посмеюсь отменно!

Так Пров Кузьмич уверенно сказал и, радостно икнув, захохотал.

Карл Савич?..

— Да.

— Ну, как-же! Знаю, знаю... А вы?

— Титов. Простите, выхожу... Я здесь живу... Подъезд четвертый с краю. Я Карла Савича всезнайством поражу: Я маски все в один момент узнаю. Мистификатора я шуткой накажу... Всего хорошего! Простите... Ваше имя?

— Глеб Павлович. Моя фамилья—Вымя.

А вечером во вторник, в поздний час, лишь Пров Кузмич с тоски взялся за книжку,—гремит звонок.

— Кто ж это? Вот те раз!

И Пров Кузмич облек себя в манишку.

Он дверь открыл. Мелькнули полы ряс и поводырь, вводящий в двери «Мишку».

Подумал Пров:

— Ну, что же, господа! Мне все равно, что вторник, что среда!

Они подходят к вешалке спокойно, берут пальто, галоши (даже зонт!)

Попы поют торжественно и стройно, медведь попам становится во фронт.

Пропев тропарь, стихиру и «Достойно», они ушли, стуча, как мастодонт. А Пров Кузьмич катается со смеху:

— Ну, напугал! Ну, выдумал потеху!

И от дверей он крикнул через силу:

—Карл Савич!.. Стой!.. Мишутка! Коля! Вась! Ой, чудаки! Загоните в могилу... Я всех узнал. Мне Леночка вчерась открыла тайну... Вышло очень мило... Жаль нет жены, но я вас не пущу! Я за сюрприз сюрпризом угощу!..

И Пров Кузьмич ждал долго на площадке, но не звучал шагами тихий дом.

— Ну, кажется, все сделали в порядке,—сказал в воротах человек с бельмом. Теперь айда на Лиговку, ребятки. Ты, Митька, жарь с Ильей-Веретеном. А мы сн. сем к Евсеичу, манатки... На дюжину поспорить я готов: на наше время хватит дураков!

Р. Волженин

„ЖЕСТОКИЙ ЭНДШПИЛЬ“

Рис. Г. Эфроса.

На одном из Ленингр. заводов Р.К.К. уволила кочегара В. за то, что он унес с собою шахматную пешку из клуба. (Лен. правда № 271)

— Эх, хорошо, что не коня унес, а то бы наша Р.К К., наверно, за конокрадство приняла бы!

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

БЕСПРИЗОРНАЯ МИЛИЦИЯ

В один из Российских Губсобесов позвонили по телефону

— Слушаю,—сказал заведующий.

— Говорят из милиции. Примите, пожалуйста, беспризорных.

— А документы у них есть?

— Нет.

— Принять, к сожалению, не можем. Впрочем, если это старые инвалиды, тогда найдется местечко.

— Ну, может быть, примете хотя бы временно,—денька на два, пока не найдутся их хозяева.

Зав ГОСО чуть было не упал в обморок.

— Ка-ак?! Какие такие хозяева у беспризорных?

— *Да, видите ли, здесь у нас корова с теленком. Не знаем, куда их девать..*

(„Раб. Край“)

В конце концов, беспризорных корову с теленком забрали хозяева, а вот Губмилиция „в беспризорных“ состоит, и по сей день: некому за ней присмотреть, чтобы вывихнутые мозги на место вправить.

НЕ РОДИВШИЕСЯ МОНТЕРЫ

Никак не могут родиться монтеры централизации на М. К. ж. д.

По словам „Орловской Правды“—,

Полтора года тянется волокита о переименовании слесарей централизации в монтеров централизации на М.-К. ж. д. На бумаге—переименованы, а администрация—ни гу-гу! ей нет расчета

Профорганизация предложила список обмундирования где говорится, что монтеры централизации с 1 октября с. г. должны получить плащи, полушубки, валенки и рукавицы, как работающие во всякое время сезона, дня и ночи, под открытым небом.

Администрации жаль стало выдавать такую „роскошь“ ШЦР, да еще в связи с их переименованием нужно им разряды увеличить.

РКК, ДБН, комиссии охрана труда и производственная, где вы?

Не кричите, товарищи, все равно не услышат:

Оглохли-с!

Придется в „слесарях“ походить до лета, а там и без прозодежды переименуют. Монтер, так монтер. Пусть называется!

ДЕРЕВЕНСКАЯ ПУТАНИЦА

Документ, определяющий имущественное положение:

С. С. С. Р.
Таганашский Сельсовет — Копия
Джанковского района
Ноября 9 дня 1925 года.
№ 275.
Ст. Таганаш.

Дана сия гр. Лацогину Вас. жит. пост. дер. Таганаш, Таганашского Сельсовета, Джанрайона, в том, что у него имущественное положение согласно учета Сельсовета состоит в следующем: жена Зинаида 24 г., сын Иван 3 г, Николай $1^1/_2$ г., что и удостоверяется подписями и приложением печати.

Председатель Сельсовета Рыбак.
Секретарь Севешнов.

Вот и разберись, кто такой—гражданин Лацогин Вас.: кулак, середняк или бедняцкий элемент? И как считать указанное в справке имущество: движимым или недвижимым?

Под особым сомнением сын Николай $1^1/_2$ года: может, дитя уже ходит,—тогда движимое; а может, по слабости, лежит—тогда, конечно, недвижимое. Надо бы комиссию назначить.

Рыбак, подцепи на крючок!

„РАБОЧЕЕ СТРОИТЕЛЬСТВО“

„Саратовские Известия“ пишут:

На поселке б. Очкина вновь построен забор, огораживающий железнодорожную больницу.

До постройки забора рабочие ходили на работу через узкую щель.

Каково же было удивление рабочих, когда они увидели, что *и щель заколотили, а вместо этого на заборе прибиты две ступеньки, для более удобного лазанья через... забор.* И теперь лазают рабочие через забор, проклиная чудостроителя.

Неудивительно, если на железнодорожном заборе появится... заборная литература-надо же покрыть больничного завхоза за подобное внимание!

БРАНДМЕЙСТЕР ИЗ ЛЕНИНГРАДА

Саратовская газета рассказывает следующий случай:—

В ночь на 11 ноября по Советской улице произошел пожар. Дружно работали прибывшие пожарные. Метались охваченные паникой жильцы. По сторонам улицы сгрудились прохожие. К месту происшествия подъехал на извозчике какой-то неизвестный *в заметно нетрезвом виде.*

— Посторони-и-сь!...—кричал он, соскочив с пролетки:—брандмейстеру—дорогу!.. Потом, расталкивая встречающихся граждан, неизвестный пробрался в самый центр работы пожарных и, мешая им, стал выкрикивать нелепые „распоряжения“.

— Уйдите, гражданин, не мешайте,—уговаривали его.

Однако, неизвестный продолжал „командовать“.

Наглость „брандмейстера“ перешла всякие пределы. Кидаясь из одного места в другое, он стал вырывать у пожарных рукава и направлял их, куда ему вздумается. Когда прибывший сотруд ник милиции, дежуривший по городу, вежливо предложил ему удалиться, неизвестный, предварительно обложив его трехэтажным матом, категорически заявил:

— Ни за что не уйду, вы понимадте—мой долг быть здесь!..

Словом „брандмейстера“ арестовали, попросили документик и выяснили что

„Брандмейстер“—уполномоченный ленинградского издательства ВЦСПС гр-н Василий Александрович Мотельков, прибывший в Саратов по служебной командировке.

При таком „брандмейстере“ Ленинградское издательство ВЦСПС *не застраховано от пргогара.*

Заливает человек не там, где следует.

ЧИТА, КОТОРУЮ НЕ ОТЧИТАЛИ

„Забайкальский Рабочий“ извещает читателей о том, что

При горбольнице имеется заразное отделение, да не какое нибудь, а самое настоящее заразное, и вот почему. Там лежат: с дезинтерией, дифтеритом, скарлатиной, поносом, ветрянкой, корью и пр. Всех больных обслуживает одна дежурная сестра. Больные с разными заразными болезнями лежат в одной палате, отсюда результат—одна *девочка проболела всеми перечисленными болезнями*, а другие, почти не было случая, чтобы отделались чем-либо одним.

Оставляя последний факт (с девочкой) на совести корреспондента, скромно можем посоветовать: положить Заведующего Губздравом на 10 минут в общую заразную палату, чтобы почувствовал. Надо полагать, все устроится к лучшему.

Очевидно, Губздравская заразная болезнь посильнее дифтерита со скарлатиной. И называется по-латыни по-русски одинаково: Volokita—Волокита.

ТРИ ГОДА

Ну, вот три года „СМЕХАЧУ" стукнуло. Давно-ли, кажется? А теперь — ядреный парнишка, задорный, крепкий, неущипнешь. Не сегодня, завтра—в пионеры!

Разумеется, нанесли пареньку игрушек к годовщине. Эвона сколько! Автоматический растратчик, на пружинном заводе. Пупсы из замши, акварелью разрисованы: зав и секретарша. Поп-живоцерковник из фанеры выпилен. Кооперативная головоломка: хлеб с обойными гвоздиками. Да разве все перечислишь?

Сидит „СМЕХАЧ", игрушки ломает: нет большего удовольствия трехлетнему бутузу, чем дареную игрушку сломать! А нам—родителям—любо. Свое дите! Плоть от плоти, кровь от крови, идеология от идеологии.

И хотим мы к нашему семейному торжеству весь СССР приобщить! Грешно веселого малютку взаперти держать! Хотим сделать его в каждый дом вхожим, в каждом углу своим!

А для того подписку объявляем.

Вот—не угодно-ли?

В 1926 ГОДУ ЖУРНАЛ СМЕХАЧ

выходит еженедельно в 8 красок на лучшей бумаге

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

на год	6 руб.—к.
„ 6 месяцев	3 „ 20 „
„ 3 месяца	1 „ 70 „
„ 1 месяц	— „ 60 „
для железнодор. 1 месяц	— „ 50 „

В 1926 ГОДУ СМЕХАЧ БИБЛИОТЕЧКА

выходит 2 раза в месяц отдельными книжками

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА

на год	3 руб.—к.
„ 6 месяцев	1 „ 50 „
„ 3 месяца	— „ 80 „
„ 1 месяц	— „ 30 „
для железнодор. 1 месяц	— „ 20 „

Подписная плата на журнал „СМЕХАЧ" с библиотечкой на год—8 р. 40 к. на 6 месяцев—4 р. 40 к., на 3 месяца—2 р. 30 к. и на один месяц—р. 80 к. для железнодорожников—70 коп.

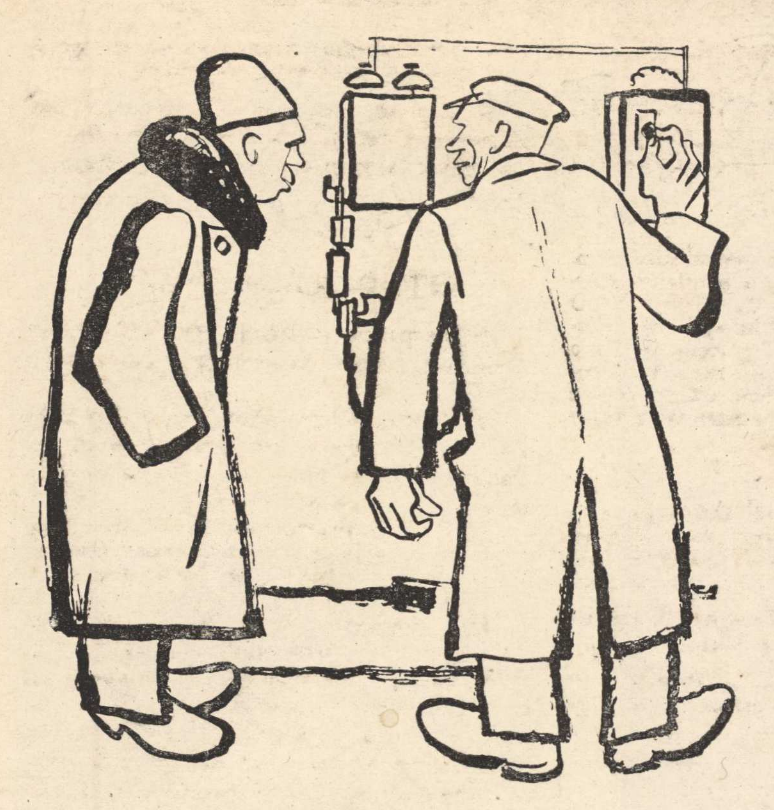
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

В конторе „СМЕХАЧА"—Лининград, пр. 25 Октября д. 88; в конторе изд-во „ГУДОК"—Москва, Солянка, 12, Дворец Труда; и во всех почтов отдел. и конторах по приему подписки на все издания.
От железнодорожников—уполномоченными Издательства „Гудок".

АВТОМАТИЧЕСКОЕ

Рис. Л. Бродаты

...Стоит у автомата очередь, обменивающая царские гривенники на советские марки... Нов. Веч. Газ.

— Гражданин! Гражданин! Вы, кажется, опять царский гривенник в автомат суете?

— С чего вы вдруг взяли, что гривенник? Я вовсе пуговицу сую!

ПРАЗДНИЧНЫЕ МОТИВЫ

Приглашают в-гости Дуси безголосые,
Мерзнут в очереди „Гуси"—красноносые...

Холодно, Двенадцать—минус сногсшибательный,
Каждый „гусь" берет на-вынос согревательной.

Ветер щупает прорехи, нет „наличности"...
Дал в трамвае „на орехи" темной личности...

На пропой не одолжили, (бьет жестоко рок)
Мне на службе подложили... жирный окорок...

На углу, на повороте (фактец статочный)
Чистит сумку доброй тете мальчик святочный...

Ну, а я, под строчек бусы, рубль один ищу...
Ах, зачем рожать Исуса в холодинищу?

Впрочем, может, о Исусе зря подсунули,
Для того, чтоб в „праздник" гуси носом клюнули.

Мих. Андреев

МРАЧНЫЙ СЛУЧАЙ

Председатель правления побегал рысью по кабинету и снова тяжело опустился в кресло.

— Так что же, товарищи, делать? Как быть? Быть-то как?

Члены тяжело молчали.

Председатель прочно взял себя за волосы и зашептал:

— Боже... боже... Как быть—быть-то так? В понедельник кассир Химвилки спер 12.000 наличными и бежал. Во вторник главбух „Красного Мела" постарался... 8.000.. подложный ордер... Бежал... Третьяго дня „Иголки—булавки". Артельщик... 10.000... спер... бежал... Позавчера и вчера целый день крали в соседнем кооперативе: 21.000 сперли. Заведующий и председатель бежали... О, боже! На нашей улице, кроме нас, один только —„Дело—Табак" и остался не растраченный, так сказать... положение угро...

В этот момент в кабинет ворвался курьер Никита.

— Так что,—сказал он одним духом,—который кассир из треста „Дело—Табак" только что 15.000 на извозчике упер на вокзал!

Повисло тягостное молчание.

— Я так и предчувствовал—глухо зашептал председатель, покрываясь смертельной бледностью—так и предчувствовал... Ну-с, товарищи... Теперь, значит, мы... на очереди... Больше некому... Мы одни этого самого...

Председатель снова забегал по кабинету, тревожно поглядывая на часы.

— Что же делать? Боже, что же делать? Никита, позови бухгалтера и кассира. Только, ради бога, поскорее. А то, знаешь, Никита... Это самое... Ну, голубчик, беги.

Через пять минут в кабинет с достоинством вошли бухгалтер и кассир.

— Милые вы мои! Дорогие друзья! — воскликнул радостно председатель правления.—Как это мило с вашей стороны, что зашли. Что же вы не садитесь? Никита, стулья! Впрочем, что это я! Никита, кресла! Чайку? Кофейку? Иван Иваныч, вам сколько кусочков сахару? Павел Васильевич, а лимончику чего же не берете? Лимончик, знаете ли, согласно последним научным данным, весьма и весьма способствует.. это самое... внутренней секреции... как говорится в той стране, где зреют апельсины. Хе-хе-с...

Председатель вплотную придвинулся к бухгалтеру и кассиру, сердечно взял их за руки, и, задушевно заглянув им в глаз , вкрадчиво сказал:

— А ведь „Дело—Табак"—того... 15.000... На извозчике... Кассир.. Увез, знаете...

Бухгалтер и кассир молчали.

— Увез, знаете ли... тоскливо сказал председатель—прямо, знаете ли сел на извозчика и того... Одни мы теперь на всей улице, так сказать, и остались...

Бухгалтер и кассир молчали.

— Дорогие мои друзья, Иван Иванович и Павел Васильевич!—воскликнул Председатель с полными слез глазами—голубчики вы мои. На вас вся наша надежда! На вас, так сказать, с любовью и упованием смотрит все правление... Не надо, милые! Ей богу не надо! Стоит ли мараться? Какая у нас наличность! ерунда! Какие нибудь 11.000!

— Двенадцать с половиной,—хрипло сказал кассир.

— Ну, вот видите—оживился председатель—двенадцать с половиной.. Я еще понимаю, если бы там было тысяч 30—40! А то 12! Ей-богу, милые, не стоит. Ну прошу вас. Не как начальник подчиненных... боже меня сохрани! А как человек человеков! Прошу. Не делайте этого. Не надо! Ну, даете слово?

Кассир и бухгалтер молчали, косо глядя в землю.

Председатель тоскливо махнул рукой.

— Ну, идите!

— Товарищи, вы заметили какие глаза у кассира?

— Н-да... Странноватые глаза. У бухгалтера тоже... как-то подозрительно бегают... ох!

— Ну, что же делать? Делать-то что? Степан Адольфович! будьте любезны. Спуститесь вниз в кассу и поглядите там за ними. Будто бы нечайно зашли, а на самом деле того... Присматривайте. Ну, с богом. Никита! беги вниз, гони в шею, к чортовой матери, всех извозчиков от подъезда!

— Товарищи, а вы заметили, какие глаза у Степана Адольфовича?

— К...к какие?—побледнел председатель.

— А такие... Странноватые... И у Никиты тоже... как-то подозрительно бегали ..

— Боже, боже!—застонал председатель.—Голубчик Влас Егорович, на вас, как на каменную гору. Сбегайте в кассу. Поглядите за Степаном Адольфовичем. И за Никитой. И чтоб извозчиков к чортовой матери Бегите, золотко.

— Глаза видели у Власа Егоровича?

— Видел. Странноватые...

— Гм... Николай Николаевич... Сбегайте, милый, присмотрите. И чтоб извозчиков всех к чорту...

— Боже! Что же делать? Делать-то что?.

— Придумал!—закричал секретарь.— Ей-богу придумал! Спасены Скорее! Торопитесь. Всю наличность кассы наменять на медь. Чтоб по три копейки все 12 тысяч были. Десять больших мешков! Пусть-ка попробуют сопрут! Пудов сорок. Ха-ха!

— Душечка, дайте я вас поцелую! Ура! Ура! Ура! Пошлите курьеров во все лавки, учреждения, банки. Вывесите спешно плакат: „за каждые 10 рублей медными деньгами немедленно выдаем 11 рублей серебром и кредитками". Чорт с ними—потеряем 10 процентов но зато от растраты гарантированы. Да поскорее бегите, дорогой! Авось до закрытия кассы успеем.

Через три часа в будке кассира стояло пять больших, туго завязанных мешков с медью. Председатель любовно похлопал по ним ладонью ласково улыбнулся кассиру, дружественно обнял бухгалтера и глубоко вздохнул, надевая внизу галоши.

— Фу! Гора с плеч!

На следующее утро, придя на службу, председатель правления, прежде всего наткнулся на бледное, убитое лицо секретаря.

— Что? Что случилось?—воскликнул председатель в сильном волнении.

— Увезли,—глухо сказал секретарь.

— Кого увезли?

— Двенадцать с половиной тысяч увезли. Как одну копейку. Всю ночь таскали ..

— Прямо, потеха! — подтвердил Никита—на двух ломовиках. Уж таскали они эти мешки по лестнице—таскали! Аж взопрели, сердешные. В семь часов утра кончили. Оно, конечно, ежели...

— Куда ж они их повезли?—завизжал председатель.

— Известно куда. Иван Иванович свою долю повезли в Казино, а Павел Васильевич, уж, натурально, на вокзал... Оно, конечно, ежели...

— Подите к чорту! Подите к чорту! Подите к чорту!—захрипел председатель и упал без чувств.

Валентин Катаев

СПЕЦ-ГАДАНЬЯ

История в трех словах.

Раз в крещенский вечерок
девушки гадали...

Вышло время, вышел срок—
Раз в крещенский вечерок,
Поглядевши в дали,
Граждане гадали:
Пров Степаныч Кораблев,
Фрол Савельич Миткалев,
Ян Семенович Мамашкин,
Лев Ильич Тресняк-Бумажкин
И столичный видный туз
Клим Петрович Абезгуз.
Кораблев гадал на клее,
Миткалев—на бумазее,
Ян Семенович—на вате,
Лев Ильич—на полувате
И, с червонцами в руке,
Абезгуз—на табаке.
Долго милые гадали,
Кошельки в людей кидали—
Что, мол, люди принесут?
Ну и вышел всем Губсуд.
За замками за семью
Сели скопом на скамью.
Сказку кончить не пора-ль?
Вот—мораль
Ее глодай:
Умным будь и не гадай,
А то сядешь, как они
Сели в праздничные дни:
Кораблев, подлец,—на клее,
Миткалев—на бумазее,
Ян Семенович—на вате,
Лев Ильич—на полувате
И, с червонцами в руке,
Абезгуз на табаке!..

Александр Флит

НАШИ ДЕТИ

— И был он, добрый молодец, кровь с молоком...

— Ну, нынче, бабушка, этого не бывает. Если вот вода с молоком, это действительно может...

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА"

Всем, всем, всем. Товарищи-авторы! Кончается старый год, доставивший многим из вас разочарования через наш почтовый ящик. Кто старое помянет, тому глаз вон!

На грани нового года, редакция „Смехача" шлет вам искреннее пожелание совершенствоваться в стихах и прозе— и выражает уверенность, что в конце концов, вы переплюнете нето что Пушкина, а даже Маяковского.

Трудно только первые 50 лет, а потом пойдет, как по маслу.

С наступающим новым годом!

Пишите, не забывайте.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

ИСКУССТВО И ПОЛИТИКА

Солидный журнал „Рабочий и Театр"! С большим политическим уклоном! Вот, например, рецензия Н. В. Смолича (№ 45) о „Желтой кофте".

Основание:

> В последнее время почти ежедневно, разворачивая газету, мы встречаем жирный заголовок „Китай", „В Китае", „О Китае". Общественный интерес естественно возбужден, а, между тем, как мало мы, в сущности, знаем эту, интересующую нас, страну и какое, в большинстве случаев, превратное мнение существует у нас о самих китайцах.

Вывод:

> Вот почему Малый Оперный театр остановился на „Желтой кофте". Легар давно стал популярным и излюбленным у нас композитором...

Китай—по оперетке Легара, английские происки в Индии по „Баядерке", венгерские дела по „Марице", черногорские по „Веселой вдове". Вот политграмотный будет зритель!

„САМКА ПРЕЖНЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНИЦЫ"?

Странно. Непонятно и с первого, и со второго взгляда. Однако, именно так выразился театральный рецензет „Новой Вечерней Газеты" (Ленинград). В отчете о спектакле „Эуген несчастный" он пишет:

> „Следует отметить актрису Н. С. Рашевскую, давшую в роли Греты, вместо *самки прежней исполнительницы*, трогательную человечную женщину".

А газетка, граждане,—массовая, для рабочего читателя предназначена. Вот и разберись: самка прежней исполнительницы! Тьфу!!

НЕТ БОЛЬШЕ ЭСПЕРАНТО!

Ленинградская „Новая Вечерняя Газета" открывает секрет нового международного языка.

В заметке „Ограбление Негра" (№ 226) она констатирует, что доставленный на станцию скорой помощи раненый в ногу не говорящий по-русски негр—

> *знаками объяснил*, что в то время, как он *проходил по проспекту Огородникова, на углу Дерптского переулка*, на него напало трое неизвестных.

Мы понимаем, что знаки, которыми негр связал ограбление с проспектом Огородникова, напоминали посадку капусты в африканских колониях. Но было бы очень полезно узнать от сотрудника уважаемого органа, какими именно знаками хитрый негр дал понять, что случай имел место на углу Дерптского, а не Безыменного переулка?

В НАРСУДЕ

— Как ваши дела идут?

— Да мои дела, знаете, не столько идут, сколько слушаются.

В ГУБФИНОТДЕЛЕ

По новому проекту о подоходном налоге будут представлены льготы и скидки кустарям, литераторам и многосемейным.

Рис. Г. Г.

— Виноват, товарищ фининспектор, где здесь деньги получают?
— Какие деньги?
— А как я, по совместительству,—кустарь, рабкор и алименты в три места плачу, то по-моему мне с Губфинотдела кое-что дополучить надо.

Издатель: „ГУДОК" Ответственный редактор А. С. Андрейчик

Ленинградский Гублит №№ 5624. Типография „Инвалид Печатник", Ленинград, Улица Воинова, 26. Тираж. 60.000 экз.

ЕВЛАМПИЙ НАДЬКИН И ЗАМЕРЗАЮЩИЙ МАЛЬЧИК

(Святочная быль самого новейшего времени)

Текст А. д'Актиля

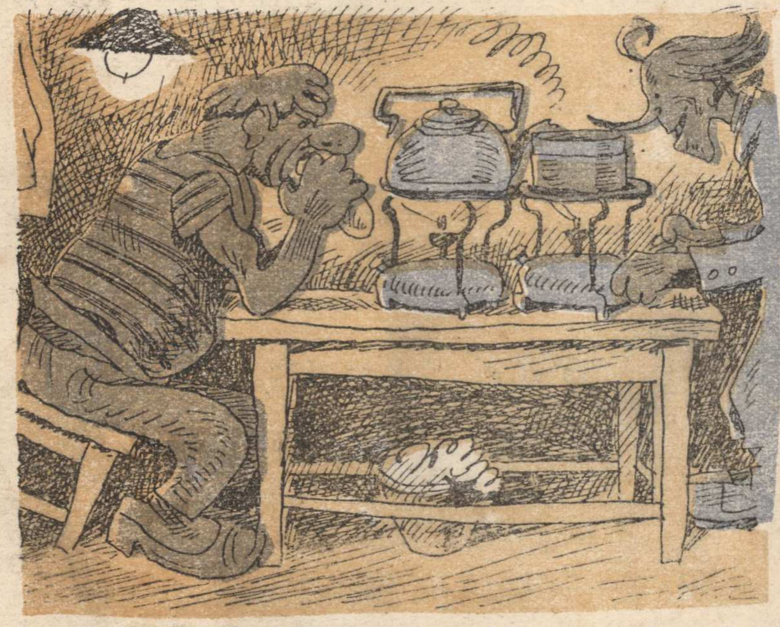
Рис. Б. Антоновского

Пеленою снежной стелется
Новогодняя метелица.
Из-под снега—цветик аленький;
Замерзает мальчик маленький.

Сердце в Надькине колотится:
— „Эх, нужда да безработица!"
И в свое простое логово
Малыша ведет убогого.

Загудели гудом примусы.
Из кастрюль щекочет дым усы.
Мальчик тает, мальчик лопает—
Аж глазами Надькин хлопает!

Ночь. Белеют окна в инее.
Протянулись тени синие.
Под тремя под одеяльцами
Шевелит замерзший пальцами.

Тихо. Вылез мальчик маленький.
Видит: шуба, примус, валенки...
Все, что мог, собрал старательно
И растаял окончательно.

Пробудился Надькин с холода...
Положенье слаще солода!
Где одёжа? Где исподнее?
Вот те сказка новогодняя!